

ВАДИМ
КАПЛИН

ЛЕСНЫЕ

ВСТРЕЧИ

ЭТЮДЫ
ЗАРИСОВКИ
РАССКАЗЫ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК

1976

Охотнику нужны не только зоркий глаз, твердая рука, знакомство с повадками птиц, зверей и зверюшек, ему необходимы доброе сердце, чувство справедливости и знание законов, по которым живут обитатели лесов и полей. А если охотник влюблен в природу да к тому же владеет пером, то он расскажет нам о розовых лебедях и «крылатых локаторах», об игровом дереве и о многом другом, чем богата северная природа.

Удивительные лесные встречи ждут читателей книги вологжанина Вадима Каплина. Ее первый раздел «Путем-дорогой» — это своеобразные зарисовки, открывающие тайны лесного царства; некоторые из главок напоминают стихотворения в прозе. Второй раздел целиком посвящен встречам на медвежьих тропах. В третьем — рассказы о взаимоотношениях человека и природы.

К $\frac{0732 - 016}{157(03) - 76}$ БЗ—26—76

ПУТЕМ-ДОРОГОЙ

Странички
из охотничьего
блокнота

Дикие животные — это богатство и радость в лесу.

М. Пришвин

ПУТЕМ-ДОРОГОЙ

Вот и пришла на землю осень. Она — в полыхающей пожарами листве рябин, захолodelых зорях, серебряных нитях паутин, чистой, как слеза, воде в лесных речках.

Нынешней засухе, казалось, не будет конца. И потому не столь щедр на дары осенний лес. В борах, на лесных сечах, где в прошлые годы были целые плантации брусничника, нынче пусто. Зато в закрайках болот, на кочках, там, где сохранилась влага, рдеют на солнце кисти крупных и спелых ягод. А на моховом болоте, на тонюсеньких веточках с вечнозелеными листочками, — красная, а кое-где — еще белобокая клюква.

За ней на далекое болото, что на много километров протянулось вблизи таежной речки Товы, я пришел со своим деревенским знакомым.

— Вот ведь, — дивится проводник, — болото, а ноне ноги не замочишь.

В зелено-коричневом мхе — «железняке» беззвучно тонут ноги. Пробираемся дальше, к сосновой гривке.

— Гляди сколько! Усыпано! — радуется Данила.

Старик сует клюкву в рот, морщится. И вот уже красные картечины гулко стучат о дно его корзинки.

А над болотом безмолвие. Ни звука, ни шороха. Но вдруг откуда-то издали доносится знакомое «курлы, курлы...» Глаза обшаривают небо и видят вдали серые точки.

Через минуту журавлиная стая — над нами. Длинноногие птицы кружатся над соснами и беспрестанно трубят. Что-то грустное и печальное слышится в их приглушенном клике. Журавли прощаются с родной стороной, с болотом — своим домом. А кому легко расставаться с родиной?

Подняв раструбы рогов, застыл, словно изваяние, великан лось. Наверно, и он грустит о том, что до будущей весны не увидит сторожких птиц, не услышит их утреннюю побудку.

По сигналу вожака стая круто пошла ввысь, выстроилась клином. «Курлы, курлы», — доносилось из поднебесья.

— Путем-дорогой! Путем-дорогой! — по бытующему у нас обычаю напутствовал птиц дед Данила. Мы долго и пристально смотрели вдаль, пока журавли не растворились в высоком и прозрачном осеннем небе.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Каждое утро первым просыпается старый косач. Он шумно срывается с наста — толстого сука дерева — и лепится на вершине высоченной ели, которая упирается в самое небо.

Минуту лесной петух сидит молча, оглядывая с высоты березовые перелески, уже тронутые кистью художницы-осени. Черный, словно обугленный, косач вслушивается в настроенное молчание сонного леса.

Но вот петух замечает пробившийся сквозь облака первый луч солнца — и тогда тишина нарушается тетеревиным бормотанием.

Но недолго льется осенью песнь косача. Вскоре он умолкает, ныряет вниз и летит над сечей к желтеющим вдали полям. За ним устремляется весь табунок сородичей. Тетерева садятся на скирды ржаной соломы, что высятся на опустевшем поле. Черные, в пестринах, молодые петушки и рябые курочки-тетерки копошатся в соломе, отыскивая в колосках зернышки.

В том, что тетерева наведываются в поля, нет ничего удивительного — не зря в народе нарекли их поляшами. Только нынче начали они посещать убранные нивы раньше обычного. А коли летают тетерева на стога соломы, знать, немного в лесу ягод.

ЯСТРЕБЫ НА ДОРОГЕ

Не сидится дома в теплый сентябрьский денек. Тянет в лес, в берендеевы чащи. И уже мчимся мы с товарищем по знакомому тракту. Всюду приметы осени. Высохли, поблекли травы. Березоньки в желтых прядках. На осинах словно тысячи красногрудых снегирей. Воздух прохладен и чист.

Впереди, метрах в двадцати от нас, мелькнула серая тень ястреба-тетеревятника. Поднялся он с ели — исчез в подлеске. Потом взмыл второй ястреб с жертвой в когтях.

Встретился даже болотный лунь — рыжеватая птица с острыми когтями и загнутым клювом. Опять тетеревятник. Настоящая высыпка пернатых разбойников.

Здесь я не раз проезжал в июле и в августе, но ястребов не видал. Знать, неспроста объявились они на тракте. Долго ломали мы голову, почему ястребы на дороге, пока не заметили, что над сухопутной трассой пролегает воздушная, по которой тянется на юг птичья мелкота. Утомятся птицы, присядут на провода отдохнуть, а зоркие ястребы тут как тут: метнутся из-за дерева — тотчас сцапают оплошавшую птичку. Ничего не скажешь, — смекалисты!

ЛЕСНОЙ ПЛЯЖ

Погожий сентябрьский день. В пожухлой траве нити паутинок. Легкий свежий ветерок перебирает расцвеченные осенью листочки осины.

Солнышко, ласковое, приветливое, не хотя опускается к горизонту, нежаркими лучами озаряя лесную вырубку.

Около небольшого стожка сена решаем отдохнуть и, конечно, полюбоваться золотой осенью. Дед Данила осторожно показывает мне на вершину стога, где я замечаю ящериц. Их множество, словно собрались на этот лесной пляж со всей вырубki.

На вершине бурого стога солнце припекает сильнее, а какая ящерица откажется принять последние солнечные ванны? К тому же здесь скопились и насекомые. Пресмыкающиеся настороже. Косят маленькими выпуклыми глазками...

И вдруг, словно по команде, длиннохвостые одна за другой нырнули вниз и тотчас скрылись в зарослях.

НИ ПУХА НИ ПЕРА

В октябре по утрам на реке за Никольском гремит ружейная канонада. Началась утиная «лихорадка». Едва занимается рассвет, а в скрадках, наскоро оборудованных из еловых лап, уже затаиваются охотники. На рябящей воде покачива-

ются резиновые чучела. К ним и присаживаются отдохнуть пролетные утки. Иногда стаи налетают одна на другую. Утка, как говорят охотники, валом валит.

Однако на этот раз мы возвращались домой с пустыми руками.

Утки словно сквозь землю провалились. Неожиданно из-за поворота вылетел нарядный селезень и на наших глазах плюхнулся на песчаную отмель. Один из охотников схватился за ружье, но селезень, заметив опасность, поднялся и, пролетев метров сто, опустился в середину плавающих на воде домашних уток.

Прибившись к ним, дикарь почувствовал себя в полной безопасности. С невозмутимым спокойствием, деловито копошился он в водорослях под самым носом незадачливого охотника, словно потешаясь над ним.

Лодки поблизости не оказалось, и охотник оставил селезня в покое.

— Ни пуха ни пера! — хохотали женщины, полоскавшие белье. — Ай да утка!

Наверное, не впервые нашел селезень спасение у своих домашних сородичей.

ТОРОПЫГА

С утра и допоздна на лесной делянке горел костер. Дым поднимался, окутывал стоявшую рядом березку. Она, нагретая теплым воздухом, распрямила свои коричневые веточки.

Березы всегда первыми в лесу надевают зеленую одежду. И нашей торопыге не терпелось нарядиться. Захотелось ей перещеголять сестричек.

Через несколько дней на нижних веточках набухли почки, проклюнулись светло-зеленые клейкие листья. А ночью ударил мороз — и холод спалил нежные побеги.

Спешить не надо. Все хорошо в пору да вовремя.

СОСНЫ

Холодный вечер спустился на землю. Темнело на глазах. Пока мы с Данилой вытаскивали из воды лодку и выгружали из нее пожитки, нас окутал мрак.

Здесь, в лесной глухомани, на берегу Лундонги, нам предстояло провести непроглядно-темную осеннюю ночь.

— Сушняка-то найдем ли? — зябко поежился старик.

К счастью, нам повезло. Вскоре мы сидели у костра, где горели две толстые многосаженные сосны. Раньше они росли рядом. И погибли вместе, обнявшись жилистыми руками-сучьями. Сосны лежали годы, но их древесина размякла только снаружи. Я взялся перерубить одну из сосен. Куда там! Пришлось отказаться от этой затеи: дерево будто окостенело.

...Когда-то в вечнозеленой густой кроне шелушили шишки непоседы белки, весной отшельник глухарь одаривал землю песней, в развилке суковин выводила птенцов ка-

кая-нибудь малая птаха. А внизу, у корней, по шрамам-надрезам в приемники — железные воронки, установленные вздымщиками, — текли прозрачные и липкие, как мед, капли смолы-живицы...

Смолистые сосны пылали ярким пламенем. Смола по древесным капиллярам, словно керосин по фитилю лампы, непрерывно текла к огню, который нам был всего дороже.

В таинственной тиши ночи где-то подозрительно треснул сучок. Вдали загоготал филин, в болоте у Аюга завывали волки. Не будь костра, было бы жутковато...

Давно погибли сосны. Но даже умершие, они бережно хранили взятое у солнца тепло, которое сейчас щедро отдавали нам. Освещенные и согретые пламенем, мы сидели и думали: сколько добра принесли сосны...

ГОРНОСТАЙКИНО МЕТРО

Бесконечной лентой по снегу протянулись парные следки. Это пробежал белый, как мел, с черным кончиком хвоста горноста́й. У елки зверек нырнул в снег, сцапал зазевавшуюся полевку и опять отправился мерить заснеженное поле. Недаром говорят: горноста́й за одну ночь пробежит больше, чем корова пройдет за все лето. Маленький кровожадный хищник частенько наведывается и в жилища мышей-полевков, чувствует себя там хозяином.

О том, что горностаи много времени зимой проводят под снегом, я знал давно, а вот осенью...

...Теплым сентябрьским днем мы с приятелем бродили по мелколесью в поисках тетеревиных выводков, устали и решили отдохнуть. Расположились на бревнах, возле лесной дороги. По-летнему грело солнце. Лепетали листья осин. Мы сидели молча, прислушивались ко всяким шорохам. Неожиданно появились четыре буро-коричневых зверька. Это была семейка горностаев. Шустрые и подвижные, с гибким, как у змеи, телом, зверьки егзили у земляного холмика — малыши бегали вокруг мамыши. Потом они вдруг исчезли. Я пялил глаза, но горностаев как не бывало...

Тут меня слегка толкнул товарищ и показал на противоположную сторону дороги. Теперь зверушки уже копошились там, метрах в тридцати от того места, где появились сначала. Мы недоумевали: как они могли незамеченными так далеко перебраться через дорогу?

— У них, видимо, свое, горностайкино метро проложено, — высказал догадку товарищ.

Он оказался прав. Через дорогу и дальше протянулся подземный ход, проделанный кротами. Им-то и воспользовались горностаи. Заметив нас, семейка тотчас нырнула в нору и подземным туннелем устремилась подальше от беды.

ЖИВЫЕ БАРОМЕТРЫ

Лоси облюбовали вырубку — здесь была их зимняя стоянка: вырубка затягивалась мелколесьем, а молодая поросль — их основной корм зимой. Часто заглядывали сохатые к осинам, которые специально для них навалил егерь. После каждой кормежки на стволах и толстых сучках деревьев оставались длинные белые полосы. Наведывались сохатые и в молодой пихтач. Охотно поедали мягкую, душистую, пахнущую смолой хвою.

Кормились лоси чаще всего днем, тут же, на вырубке, и ночевали. Бывшая лесовозная трасса, «усы» — все вокруг было испещрено их следами.

— Умные животные, осторожные, — говорил егерь. — Лежат всегда на гладиночке. На открытом месте к ним ни человек, ни зверь незамеченным не подойдет — заметят. Никто не беспокоит зверей, а ко мне привыкли. Подойду и люблюсь ими. Я гляжу, и они на меня поглядывают, а не убегают. Особенно хорош темнобурый лось. Какие у него рога! Вот увидишь. Я частенько к лосям наведываюсь. Живут, как коровы на ферме.

Вот и вырубка. Всюду на ней лосиные тропы.

— Поднимемся на горушку — тут и лоси, — шепнул егерь. — С нее вырубка как на ладони.

Мы пристально смотрели вокруг, но сохатых не видели.

— Куда они делись? Всегда вон в том ивняке паслись и вчера там были,— показал рукой егерь.— А ну, обойдем вырубку.

В низинке мы заприметили свежие лосиные следы, которые уходили на восток, где вдали маячил ельник.

— Вот тебе и рогач!— сокрушался я.

Егерь достал пачку «Беломора», закурил.

— Ушли. В шохру подались — в низину, заросшую лесом.— Теперь жди непогоду.

Я только улыбнулся: денек знатный, мороз этак градусов под тридцать, деревья в инее, ни одна веточка не шелохнется, да и на небе — ни тучки.

...Ночью я проснулся от какого-то шума. Хотел выглянуть, но только приоткрыл дверь, как в избушку ворвался ветер, обдал колючей снежной крупой. Тут-то я и вспомнил слова егеря: «Зверь, он загодя погоду чует, не ошибается».

КАМЕШКИ

Каждый раз, когда я прохожу на лыжах по закрайку Илюшина болота, вижу на гриве глухарей. Большие черные птицы изо дня в день, словно по расписанию, в одно и то же время прилетают на кормежку.

Петухи с шумом рассаживаются на облюбываемые деревья и, угомонившись, на-

чинают клевать хвою, усыпая снег вокруг дерева матово-зелеными иголками. На некоторых деревьях хвоя ощипана совсем, торчат лишь голые мутовки вершин.

Скуден зимой глухариный рацион. Тверды и жестки пахнущие смолой сосновые иглы. Для того, чтобы организм мог усвоить их, птицам нужны камешки, которые словно жернова перетирают корм. О камешках глухари заботятся с осени. Они вылетают клевать гальку на прибрежные отмели-исады, клюют камешки на лесных дорогах.

Со временем камешки в мускулистом желудке глухаря перетираются, и запас их надо пополнять, иначе птице грозит беда: захиреет, а то и погибнет.

Но где найти камешки зимой, когда вокруг заснеженные лесные чащи, а реки и речки укрыты снежной шубой?

И вовсе не случайно в это время глухари летают на лесные вырубki и гари. Там всегда отыщутся деревья, поваленные ветром. В елях-ветровалах, в выворотнях корней птицы и отыскивают камешки, без которых они погибли бы.

«АКАДЕМИК»

Не часто приходится мне встречаться с охотником-промысловиком Николаем. Но уж коль увидимся, байкам не бывает конца. Горазд Николай об охотничьих приключениях толковать: то о медведях-

увальнях, то о северных пантерах — рысях да серых «помещиках» — волках.

Что-то поведает Николай на этот раз? Наверно, опять про лесного боярина или сохатых... Но я ошибся.

— Слыхал о зайцах-«профессорах»? — спросил Николай. — Тех, что на болотах да на дорогах гончих обводят. А у нас не то что «профессор» — «академик» объявился. Ни одной собаке его не взять, хоть того больше медалей имеет. Не пожалуюсь я на свою Тайгу, всем удалась. Гоняет — заслушаешься. А как нарвется на этого «академика», не берет — и баста. — Николай лукаво улыбнулся. — На речках есть катища — нижние склады, где лес для сплава готовят. У нас стояжами их называют. Как поднимет моя Тайга в поле этого «академика», он по логу на стояжи и режет, а там, около склада, соляжкой да маслами разными весь снег залит. Протопают заяц мимо цистерн да бочек, лапы мазутом вымажет — от него, черта, как от заправщика, бензином прет. После этого не только моя Тайга, волки да лисицы от его следа в стороны шарахаются. Хитер, «академик»!

СНЕГУРОЧКА

Зимой белочки в пепельно-голубых шубках. А может ли быть, чтобы белочка носила белую шубку, такую же, как у

Никольская тайга 17 —

Отправился как-то дед Данила в лесную делянку. Идет по лесу, присматривается, прислушивается, следы на снегу разглядывает. И вдруг видит: сидит на елке белый зверек, шелушит «орешки» — еловые шишки.словно невидимка Дед Мороз под Новый год захотел сделать из белки лесную снегурочку и заодно с безрезками и орешками посеребрил ее.

Необычная белочка, которую видел охотник, была альбиносской.

ИГРОВОЕ ДЕРЕВО

Высокая, с могучей кроной сосна стоит на берегу речушки, что змеится в лесной глухомани.

Дед Данила вгляделся в кору, исцарапанную коготками зверушек, и сказал:

— Так и есть, игровое дерево...

— Хочешь — верь, хочешь — нет, — поведал мне бывалый охотник, — а у белочек я не раз встречал игровые деревья. Они вроде наших клубов. Со всей округи собираются игруньи в нарядных пепельных шубках к такому дереву, а им бывает только сосна. Резвятся, друг за дружкой вверх — вниз по стволу наперегонки носятся, а молодые в прятки играют.

НЕВИДИМКИ

Вместе с дедом Данилой мы едем проселочной дорогой. Дорогу перемело. Сани идут тяжело, липкий снег пристает к по-

лозьям. Миновали сумрачный ельник, спустились к речке. Мелколесье. На заснеженном холме столпились ершистые сосеночки и пышные елочки. Березы стоят голые, ветер перебирает их ветки.

— Вот здесь живут мои лесные знакомые, три белых куропаточки, — заметил Данила. — Когда проезжаю днем, всегда встречаю их, но чаще всего приходится ездить вечером и ночью, когда они спят.

Так и есть. У кустов ивняка мы видим куропаточки крестики следов. Чувствуем, что птицы где-то рядом.

— Тррр! — раздается слева. В воздух летят брызги снега.

— Живы! — радуется Данила.

Лесные курочки помахали на прощанье нам крылышками. А дед принес из сеней мешок, вынул из него гроздь рябины и повесил на кусты. Пусть лакомятся.

СЫЧ-ВОРОБЕЙ

Целый день просидел он на березовом суку в парке, в центре города. Его не замечал никто, он видел и слышал всех.

Он — это сыч-воробей, небольшая серая птица, похожая на сову, с круглой головой, с крючковатым, загнутым вниз клювом и острыми когтями. Как и многие хищные птицы, сычик охотится за добычей ночью, а днем отсиживается в укромном месте.

Сыч сидел на суку неподвижно, ничем не выдавая своего присутствия.

Он плотно прижался к стволу дерева и был похож на его нарост.

Я окликнул знакомого охотника и, указав на три стоящих поблизости дерева, спросил, что он видит на них.

— Березы как березы, разве что веточки с прошлогодними листочками, — ответил охотник.

А мне подумалось: уж коль мы ничего не замечаем в своем доме, то что видим в лесу?..

ПТИЦА НА ЛЬДУ

— Лед идет! — кричали ребяташки и наперегонки неслись с обрыва к реке. Взрослые и дети останавливались на берегу и с восторгом глядели на проплывающие ноздреватые льдины, осклизлые бревна, проруби, обставленные зелеными ершистыми елочками. Льдины напирали одна на другую, шипели, словно от злости, и крошились, вылезая на берег.

На одной из льдин бойко бегала, раскачивая длинным хвостиком, маленькая птичка. Это была трясогузка.

— Тси-зи... тси-зи..., — щебетала она.

Когда льдину отнесло, птичка вспорхнула, ныряя, полетела вверх по реке, опять уселась на льдину и поплыла на виду у людей, словно хотела сказать, что это она виновница торжества.

Трясогузка прилетает к нам перед ледоходом, и поэтому в народе говорят, что она хвостиком лед разбивает.

КОСТЯНЫЕ МОЛОТОЧКИ

До глухариного тока осталось не более четырех километров, но мы спешим, боимся опоздать на подслух. Глухари на токовище прилетают с вечера и с шумом рассаживаются на деревья, где проводят всю ночь.

Прямая, как стрела, просека упирается в моховое болото. На закрайке его и собираются по вечерам глухари. Кое-где снегу выше колена, хотя на открытых местах он стаял, под ногами пружинит мох, идешь словно по резине. То и дело встречаются колдобины, залитые вешней водой. Выручают сапоги-бродни.

Дед Данила подает знак рукой, и я останавливаюсь. Садимся на поваленную ветром сосну. В еловом подлеске задорно перекликаются рябчики, где-то далеко затоковал тетерев.

Неожиданно справа от нас раздалось хлопанье крыльев, через минуту — впереди, потом слева, опять справа... Глухарей около десятка.

— А это курица села, — прошептал старик.

Сейчас петухи должны запеть.

Признаться, до этого я единственный раз в жизни слышал глухариную песню. Сижу как на иголках. Чутьочку стемнело. Вдруг словно кто-то костяным молоточком ударил по наковальне: тэк, тэк. Еще и еще. Тишина. И опять: тэк, тэк. Потом шипение — заключительные звуки песни:

кы-чивири, кы-чивири. Запели и другие петухи.

Оставив птиц в покое, осторожно идем обратно, чтобы до потемок успеть наладить ночлег.

Под елью ярко горит костер. Красные языки лижут закоптелые бока котелка. Чай готов. В лесу он кажется ароматнее. Стало совсем тихо. Вдали слышалось уханье филина: ху-бу-ху-бу. В ночи бобочет лопоухий заяц.

За кружкой чая дед Данила рассказывает о том, как здесь, на этой самой просеке, осенью он один на один встретился с медведицей. Я слушаю его, слушаю голоса ночи, и усталость незаметно смежает мне веки...

Просыпаюсь от холода. Кругом белым-бело. Зима напоследок обрушилась на май снегопадом. Мокрые сырые хлопья снега, словно глубокой осенью, покрыли дорогу, лесную вырубку.

— Пора, — говорит дед Данила. — Глухари поют на заре. Сейчас половина третьего.

Сон как рукой сняло. В темноте идти еще труднее, чем вчера. Сырые ветки окропляют нас, ноги вязнут в залитых водой лужах. Идем не спеша и все-таки я попадаю в бакалдину*.

— Поет, — трогает меня за рукав старик.

* Бакалдина — яма, колдобина, заполненная водой.

Я прислушиваюсь и тоже слышу костяные молоточки. Данила оставляет меня одного, а сам неслышно исчезает за деревьями. Ходит он бесшумно, крадучись, как лесная кошка-рысь.

Минуты две я стою на месте, слушаю невидимого музыканта. Потом под песню делаю три прыжка и останавливаюсь как вкопанный, захлебываясь от избытка чувств: петух поет беспрерывно.

Я уже прошагал метров сто. Глухарь где-то совсем рядом. Неожиданно песня смолкает. Стою на одной ноге, по колению в снегу. Пошевелиться нельзя. А глухарь как нарочно молчит. Видимо, заподозрил что-то неладное. Нога совсем затекла и онемела, так и хочется опереться на другую. Но тогда глухаря поминай как звали.

— Тэк, тэк, — щелкнул петух. И опять молчит.

Надо мной пролетели две глухарки. Лесные куры сели неподалеку, томно, призывно квокая. Глухарь запел снова. Слышу пение других петухов. Еще десятка полтора шагов — и я вижу токующую птицу. Певец, расфуфырившись, сидит на суковине, веером торчит хвост, спущены мощные крылья, трясется бородатая голова...

Каждый вечер слетаются бородатые солисты на облюбованное место. Поздно вечером и на рассвете стучат костяные молоточки в лесной глухомани, на Кази-

ном болоте. Дед Данила говорит, что глухари весной поют до тех пор, пока лист у осины не станет с копейку.

ИЗ ОДНОЙ ПРОРУБИ

Редакционная командировка привела меня в небольшую деревушку на границе с Костромской областью. Последние восемь километров я намеревался идти пешком, но вскоре на лошади догнал меня Данила. От холода он то и дело кряхтел и похлопывал шубными рукавицами.

— Ветерок ноне тонкий: за воротник, под рукавицы, в каждую щелку точится, в тулупе — и то щекочет, — жаловался мне на «северянина» дед.

— Ночевать-то ко мне иди, — предложил он, когда показалась заснеженная деревенская улица.

...Проснулся я утром, когда Петровна, жена Данилы, хлопотала около печки.

— Корова-то, старик, опять приходила, — говорила она мужу. — Дождалась, когда я прорубку сготовила, попила и в лес подалась.

— Что-что? — заинтересовался я.

— Про сохатую толкую, — сказала старушка. — Повадилась, комолая, кажинное утро на речку приходить. Почитай, с самой осени. Я за водой, и она там стоит. Редкий день не вижу.

— У нас все ее знают, — вступил в разговор Данила. — Пойди посмотри, только

чур в газету не пиши, а ежели задумаешь рассказать, так починок-то наш не называй. Сказывают, дают теперича на сохачей лицензии. Узнают охотнички, изничтожат и нашу...

Павлик, внук Данилы, свел меня на речку. Лосихи уже не было, только от проруби на противоположный берег речушки протянулась тропа. Она вела на старую вырубку, в березовое мелколесье.

КРЫЛАТЫЕ ЛОКАТОРЫ

Вечер застал нас у лесного костра на берегу таежной речушки. Угасала заря. Из низины наплыла прохлада. Данила бросил в костер сушняку. Красные языки пламени жадно накинулись на серые палочки ольхи. Костер запылал еще ярче, но пламя было ровное, спокойное.

Внизу струилась речка. В ней плескались крупные язи. Где-то далеко ухал филин.

Нежданно-негаданно появились летучие мыши. Они стремительно носились в воздухе.

— Отоспались за день, а теперь резвятся, — заметил дед.

Мы были поражены ловкостью крылатых зверюшек, с которой они бесшумно лавировали между стволами деревьев. Секрет же открывается просто: летучие мыши обладают способностью определять с помощью эхолокации, что на их пути

находятся предметы. Причем чувствительность эта поистине необыкновенная — во много раз выше, чем у самых совершенных приборов. Почему так, это еще загадка.

Юркие летуны почти всю ночь кружили над поляной, словно охраняя нас.

ФОНАРИК

Раннее утро. Тропинка круто взбежала на косогор и вывела нас на пожню с поэтическим названием Веселая Гора. Впереди, на густой елочке, ярко мерцала маленькая красная звездочка. Через минуту она стала зеленой, затем опять красной, словно здесь, на лесной поляне, действовал невидимый регулировщик. Вместе с товарищем по охоте мы долго любовались фонариком.

Но вот из папоротниковой поросли выскочила лайка Унга. Она тоже заметила мерцающую звездочку. Осторожно подкралась к ней и... слизнула.

Фонариком оказалась тяжелая капля воды, висевшая на кончике ветки и блестящая в лучах солнца, словно радуга.

БУДИЛЬНИК

Лес еще спит, окутанный ночной мглой. И вдруг раздается — горласто и дико — голос белого куропатыча. Ну и голосище

у птицы! Сыграл побудку лесной будильник, и, смотришь, глухарь поднялся на насесте, заходил по суковинам, сказал свое «даг-даг» и давай шипеть, словно ножи точить. Зоряночка сказала, вальдшнеп свечкой взвился к вершинам берез и тоже подал голос. Рябчики запереговаривались.

Куропатыч не только птиц разбудил. Вот уже в зеленоватом осиннике бобочет заяц, на сосне цокает белочка, и — батюшки-светы! — весь лес гудит, захлебывается от птичьих голосов. Всех поднял куропатыч. Работа эта ему не в тягость, только вот вечером приходится рано ложиться, чтобы зорьку не прокараулить. Тут уж ничего не поделаешь: такая у него должность — лесной будильник.

ПРИЯТЕЛЬ

Больше недели стоит на берегу Лундонги палатка моего старого знакомого. Как-то он там? В теплый июльский денек я решил навестить друга. Вот и брезентовый домик, около него столик, скамеечки. Курится дымок над костром, «хохочет» каша в котелке.

— Скучаете?

— Конечно, нет, — ответил дед Данила, подмигнул и сказал:

— Приятеля завел, славный такой, все дни со мной.

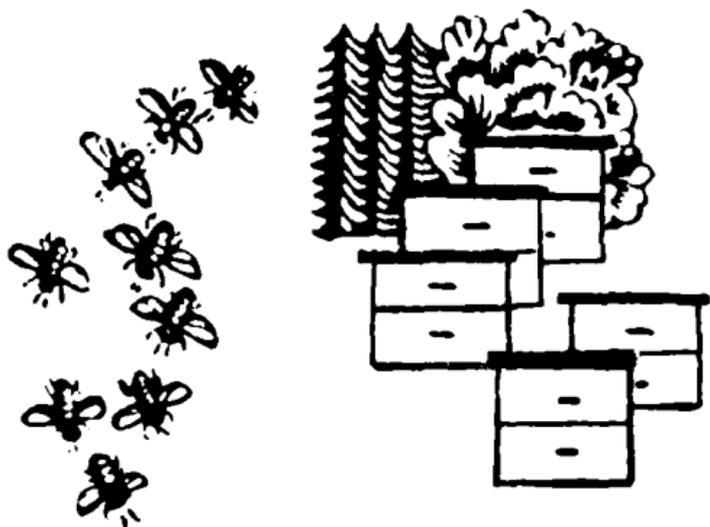
— А где он сейчас?

— Не проснулся, видно, рановато еще. На небе появилась тучка. Мы забрались в палатку. А когда прошумел на коротке дождик и тучка уплыла дальше, мы уселись завтракать. Старик глянул на реку и улыбнулся:

— Вот и приятель пожаловал, — и он показал на небольшую птичку, что проворно бегала по берегу в нескольких метрах от нас. В ней я узнал куличка. Он появился внезапно, словно откуда-то вынырнул.

Небольшая, величиной со скворца, пестрая птичка доверчиво глядела на нас своими черными глазенками. Куличок то и дело кланялся, собирая на берегу корм, семенил ножками, подбегал к самому столу. А когда я полоскал котелок, куличок вертелся под руками, ничуть не боясь меня.

Часто мы вспоминаем приятеля. Где-то он сейчас?

НА МЕДВЕЖЬИХ ТРОПАХ

Были

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

А. Яшин

У нас на Никольщине от стариков еще и сейчас можно услышать рассказы о Петрике, охотнике-медвежатнике, добывшем за свою жизнь несколько десятков зверей.

В детстве я любил заходить в небольшую лавочку, расположенную на центральной улице города, где принимали пушнину. Там среди охотников, занимавшихся промыслом, я торчал часами.

На почерневших, закоптелых стенах домика часто висели белесо-серые шкуры волков, палевые с черными крапинами — рысей, огромные, во всю стену, медвежьи шкуры, то светло-бурые, то совершенно черные. На полках лежали стопки беличьих и белых горностаевых шкурок, шкурки хоря и — очень редко — куницы.

Приемщик пушнины Кирия Каменский, мужчина уже в годах, с большим красным носом, меня хорошо знал и позволял находиться в магазине, хотя других под-

ростков, даже старше меня, попросту выгонял.

Приняв пушнину, Киря шел к печке и, дрожащими пальцами чиркая спичкой, запаливал бересту. Затем он садился на табуретку, набивал махрой трубку и сосал ее.

Мужички уходить не спешили, тоже жалась к занявшемуся огню и затевали разговор. Часто вспоминали здесь Петрика. Жил он в глухой, затерянной среди кудангских лесов деревеньке Повечорной. Росту был малого, носил бобриковые брюки да шапку-ушанку, сшитую из шкурки зайца. Петрик с рогатиной брал медведей на берлоге, стрелял их и на привале, ловил капканами. Капканы ставил на звериных тропах, огораживая на высоте груди березовым лыком, чтобы в самолосы ненароком не попали люди.

С завистью смотрел я на звериные шкуры, на промысловиков. Наслушавшись рассказов о медведях, я — тогда еще тринадцатилетний мальчишка — решил во что бы то ни стало добыть зверя. Вместе с Женькой Вахрамеевым — моим школьным товарищем мы тайно готовились к охоте. Мастерили кинжалы «с усиками», отливали из свинцового кабеля круглые пули и даже сделали рогатину из вил, которые я стянул дома.

Наша первая экспедиция потерпела полный провал. Родители, догадавшись, что мы что-то замышляем, поймали нас с личным еще в городе. Все наше снаряже-

ние — отцовские ружья, патроны, ножи — было конфисковано, за исключением рогатины, которую мы накануне унесли и спрятали за рекой. Со слезами на глазах мы возвратились домой.

Следующий поход готовился более конспиративно. С помощью нашего доброго знакомого старичка Александра, приехавшего из деревни, нам удалось побывать в Костином логу, Усовке и Студенце, но — увы! — с медведем мы так и не встретились, даже следов не видели.

И только много лет спустя сбылось мое желание. Медведей я встречал не так уж редко, о некоторых из них, о повадках этих интересных зверей я и хочу рассказать.

СЛАСТЕНА

Как-то весной довелось мне побывать в затерявшейся в кемских лесах деревушке.

— Пойдем медвежонка посмотреть, — предложил знакомый охотник.

— Пойдем.

Около одной из изб мы увидели паренька, который что-то тесал топором.

— Ну-ка, Вася, покажи нам косолапика, — сказал мой товарищ. Вася кивнул в сторону большой клетки и позвал:

— Шлык, Шлык!

Тотчас из клетки показалась голова зверя. Осмотревшись, он широко зевнул и нехотя вылез. Гремя цепью, подошел к нам.

Я вспомнил, что в сумке у меня есть кулек сахара. Достал несколько кусков и бросил их медведю. Он с удовольствием съел.

Полюбовавшись зверем, мы попрощались с его хозяином и пошли на улицу. Отчаянный женский крик: «Медведь! Медведь!» — заставил нас обернуться.

Прыжками к нам приближался Шлык. Мой знакомый в два приема преодолел улицу и скрылся за калиткой дома. Бросился за ним и я, но калитка уже оказалась запертой. Беспомощно оглядываюсь — и... попадаю в объятия медведя. Шлык, лохматый, взъерошенный, тычется мордой в мою сумку и глухо ворчит. Понял я, что надо косолапому. Отстегнул торопливо ремешок, достал кулек и бросил его медведю.

Дальше мы шагали под дружный хохот деревенских мальчишек.

— Средь бела дня ограбил! — кричали они, прыгая вокруг Шлыка. А тот невозмутимо похрустывал сахаром, поглядывая нам вслед хитро сощуренными глазами.

МЕДВЕДЬ-ПАСЕЧНИК

Летом вырубки за Займищем сплошь покрылись рубиновыми соцветиями дикого клевера-дятлины и розовыми пирамидками иван-чая. Тогда-то и привез ульи в лес учитель Алексей Антипьевич Сакулин. Пчелам раздолье, солнце сияет, цветы цветут, аромат кругом.

Пронюхал о пасеке в лесу медведь. А разболтали об этом горластые сойки да сплетницы-сороки. Без умолку тараторили они у домиков. «Что случилось?» — подумал мишка.

Выбрался косолапый из бурелома, бредет по дороге, по грязи шлепает. Надоело ему ворочать обомшелые колоды да муравейники ворошить, мечтает, чем бы другим полакомиться. Появился на вырубке, черным носом потянул — медком несет. Чует — есть пожива, а угоститься на даровщинку он всегда охоч.

Приковылял мишка, домики видит, слышит: пчелы жужжат. Только вокруг пасеки — проволочная изгородь. Тронул лапой — банки, склянки да железяки забрякали. Испугался поначалу, в сторону отскочил. Постоял, помозговал толстой башкой, прикинул своим медвежьим умом... Опять подкрался, проволоку задел — та же музыка.

А от сладкого медового запаха у него слюнки потекли. Совсем осмелел, навалился всей тушей — тут проволока и не выдержала. Ворвался он на пасеку, сразу у трех ульев крышки сшиб. Вылетели из домиков пчелы — и ну жалить косолапого! Только гуд стоит. Атакуют и атакуют. Мишка сгреб улей — и на просеку: мед жрать.

С одним управился — второй, третий принес. Так у Алексея Антипьевича восемь ульев нарушил да у его соседа четыре.

Понравилось, опять шkodит. Не знает Алексей Антипьевич, что делать со злодеем, где управу на него найти.

НЕ ДО ЖИРУ, БЫТЬ БЫ ЖИВУ

Осенью медведи любят полакомиться поспевающим овсом. Об этом знают все охотники. А кто слышал, чтобы косолапые паслись на озими? Да и бывает ли такое? Оказывается, бывает. Об этом мне рассказал охотник Петр Семенович из деревни Плаксино. Признаюсь, не поверил я ему, пока не убедился сам.

Пришел я в Большие березники, где земли колхоза «Юг» граничат с полями «Родины». Смотрю, в самом деле, в закрайках озимого поля множество медвежьих следов, старых и свежих, больших и маленьких. Озимь примята такими завитушками, точь-в-точь, как овсяные посева, на которых пасутся медведи.

Что же заставило зверей кормиться на озими? Очевидно, голод. Было это поздней осенью, в октябре. Хлеб с полей уже убрали, лес пустой, ягод не сыщешь, даже травы пожухли. А тут как-никак витамины, свежая зелень. Да еще какая! Хлебная. Улитки, червяки и разная другая живность тоже, наверное, попадалась. Вот и повадилось косолапое семейство на озимь. **Жирку**, может, на ней и не нагуляешь, а прокормиться можно.

Никто из охотников не тронул зверей.

КОМУ БЕДА, А КОМУ ПИР

Старики не помнят столь засушливого лета, каким было минувшее. Там, где раньше невозможно было проехать на лошади с телегой, нынче на машине кати. Земля затвердела словно камень. Не раз находили мы на дорогах кротов, которые, выбравшись на поверхность из своих подземных лабиринтов, погибли от жары. Гибли и лягушки, не сумев схорониться от нестерпимого зноя. Пересохли ручьи и речки. В поисках воды сохатые и другие лесные звери совершали многокилометровые переходы.

Ледянка. Так называли раньше дорогу, которую зимой поливали водой и по которой возили на лошадях лес. В одном из старых колодцев, что сохранился на обочине ледянки, и нынче все лето держалась вода. Кто только не приходил к заброшенному колодцу! И коротколапый енот в облезлой шубке, и нелюдим-барсук, и звериная мелкота: землеройки, мыши. Сверху колодец был прикрыт деревянным настилом, и только через небольшое окно был доступ к воде.

Одолела жажда лося, и, забыв об осторожности, напрямик пошел он к окну в колодце. Полусгнившие бревна настила не выдержали лесного великана, и он рухнул в яму. Захрапел, втягивая широко раздутыми ноздрями воздух, без конца месил воду ногами, пока не свалился в изнеможении. Лось так и не сумел выбраться из

западни. В старом, заброшенном колодце его труп видели косари. Но через несколько дней сохатого в колодце не оказалось.

Пронюхал о даровой добыче медведь и вытащил лося наверх, унес в кусты, забросал мхом, валежником...

Кому беда, а кому пир.

ХИТРЫЙ ЗВЕРЬ

Сообщение было кратким: «Приезжай. Медведь ходит на овес. Данила». И вот я у бывалого охотника. В который раз он рассказывает о том, как августовским вечером высмотрел медведя на поле.

— Елозит по овсу, лапищами его загребают, метелки через зубы пропускает, как лен очесывает. Лабазы я на деревьях приладил.

Кое-как скоротали день. На исходе его устроились в засаду. Поле довольно обширное — гектаров двадцать. Раньше здесь был хутор. Давненько хуторяне поразъезжались, но, чтобы земля не пустовала, поля продолжали засеивать овсом.

Место моей засидки было на раскидистой елочке. Метрах в пятидесяти лабаз Данилы. Тихо в лесу. Не шелохнется ни один листочек, ни одна былинка. Сверху мне хорошо видно примятый медведем овес.

В засаде провели всю ночь, но медведь так и не пришел. На зорьке недолгий дождик отшумел по листве, отбарабанил по

крыше лесной избушки и угомонился. И опять как ни в чем не бывало светило солнце.

Лесной дорогой, изрытой гусеницами и колесами тракторов, мы возвращались обратно.

— Так вот в чем дело! — Данила указал на следы когтистых медвежьих лап, четко отпечатавшихся на дороге. — Ежели в Камешнице не свернет, значит в Талицу махнул.

— В деревню, что ли?

— Да нет, на Заклюки*. Там тоже овес посеян, так ему проверить надобно.

До талицкого поля километров пять будет — косолапый все дорогой прокатил. Шел тропиной, лужи миновал, нигде ног не замочил. Увидит ягоды, полакомится и опять в дорогу. В песке порылся, где глухари копались, муравейник по пути разворошил.

Данила был прав. Медвежьи следы на Заклюки привели. Все поле обошел косолапый.

— Ишь какой проверяющий нашелся, словно инспектором или ревизором его назначили, — ворчал Данила.

— Что, овса ему на починке мало, что ли? — спросил я бывалого охотника.

— Да нет. Это он на всякий случай на овсяные плантации наведалься. Ему у себя в округе все знать надо. Уберут овес в од-

* З а к л ю к и — название места, урочища; здесь — поле.

ном поле или напугают его на починке, он в другом месте колобродить будет. Хитрющий зверь.

ВОРИШКИ

Занималась заря. Попив чайку и наскоро перекусив, дед Данила отправился в лес за брусникой. Деревня еще спала, и только то тут, то там горласто кричали петухи.

Дед Данила пересек поле, тропинкой углубился в лес и вскоре вышел на неширокую говорливую речушку Студенец. Здесь он недолго задержался: закурил «козью ножку», поправил жердочки, что мостиком перекинуты с берега на берег, и зашагал дальше.

Вот и знакомая вырубка. Совсем недавно здесь шумел бор, а сейчас кое-где стояли высоченные, с густыми кронами сосны-семенники, да толпились маленькие молодые сосеночки. А под ними на мягких кочках из мха, позолоченных опавшими листочками, принесенными работагой ветром, — плантации брусничника.

В темно-зеленых бархатных листочках растений алели крупные спелые ягоды. Старик наклонился и, не торопясь, стал горсточками класть ягоды в корзину, переходя от одной кочки к другой. «Хороши!»

К полудню дед Данила насобирав целую корзинку брусники. «Теперь и отдохнуть можно», — решил он.

Старик принес воды с речки, разжег костер, наладил «повар» — жердочку, на которую котелок повесил. И вот закипела, забурлила вода. Ах и вкусен чай в лесу!

Отдохнув, дед Данила пересыпал ягоды в пестерь, закрыл бруснику травой, завязал пестерь веревочкой и, поставив его к сосне, снова принялся за дело. И чем дальше углублялся он в вырубку, тем больше становилось ягод.

Он так увлекся, что не заметил, как подкрался вечер. Стало свежо и прохладно. Резче запахло смолой. Пора и возвращаться.

Не сразу нашел дед Данила место своего дневного отдыха. Долго кружил по вырубке. Наконец стал приближаться к цели. Здесь он жердочку вырубал, а тут и костер рядом. Шарит старик глазами по земле, а пестеря как не бывало. Что такое? Кому он понадобился? Кто подшутил?

Не ускользнуло от зоркого глаза Данилы, что брусничник примят, а в сторону речки от сосны, под которую он ставил пестерь с ягодами, тропа пробита. Прошел он по ней этак метров шестьдесят и обмер. Смотрит — медвежонок лохматый, смешной такой, сидит, лапами мордочку утирает, вроде бы умывается, а другой медвежонок головой в пестерь залез.

— Ах вы, воришки, ах косолапые, — тихо сказал Данила. Но ругаться не стал. Вдруг мамаша мохнатая услышит — чего доброго, обидится.

ЛЕСНЫЕ КАЧЕЛИ

Ватагой катило по просеке медвежье семейство.

Там, где просека пересекала лесную дорогу, медведица оставила детей под присмотром пестуна, а сама направилась в поля проверить, нет ли овса. Только скрылась она за поворотом — пошла потеха! Медвежата, взъерошив шерсть и непрерывно урча, вприпрыжку пустились друг за другом наперегонки, кубарем катались по черничнику, устраивая кучу малу.

Не мог угомонить шалунов пестун и за компанию сам включился в игру. По поваленному ветром дереву забрался высоко вверх, а потом, ухватившись лапами за ель, словно на парашюте, спустился на землю. Примеру пестуна последовали и малыши. На дерево медвежата залезали вдвоем и, пригнув его, весело качались на лесной качели.

Много деревьев, что шлагбаумами преграждали нам путь на просеке, пригнули к земле косолапые проказники.

ЯКУНИНА

БЕРЕЗА

Р а с с к а з ы

И до чего была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

А. Яшин

УЗОРЫ-ПРИЗОРЫ

Не раз приглашал меня на охоту и на рыбалку Николай Александрович Глебов, известный в Кеме охотник и следопыт.

— Пойдем на Лундонгу,— говорил старик,— места там безлюдные и глухие. Зверя много. Медведи ватагами бродят. На Лундонге за Покровским починком есть охотничья избушка. Ежели без меня пойдешь, выходи на хутор и дуй квартальной просекой. Попадешь на реку, поднимайся вверх по течению. Как увидишь холуй*, тут напротив него и избушка.

И случилось так, что довелось мне побывать в избушке охотника. Было это глубокой осенью прошлого года. Приехал я поохотиться. Только добрался до Лундонги, погода испортилась. Пошел промозглый осенний дождь. Тут-то и вспомнил я о избушке.

* Х о л у й — островок.

Нашел ее без труда. Избушка простецкая, похожая на черную баньку, с подслеповатым окошечком, с железной печкой-буржуйкой, с прокопченными стенами и потолком. Рядышком река.

Уже давно перевалило за полдень, а дождь не унимался. Сижу загораю. Вдруг скрипнула дверь и появился хозяин.

— Ну вот и встретились, — от души радуясь, сказал Николай Александрович. Как всегда, старик был в хорошем настроении. — Лесоватъ пришел? — продолжал он, сбрасывая с себя видавший виды плащ. — А я харюзов в Томженъге удил. Полсумки натаскал. Сейчас ушицу заварим.

Я глядел на доброе, в морщинах лицо Николая Александровича, этого кемского берендея, и радовался его приходу. Вдвоем веселее коротать длинную осеннюю ночь, но я знал: поспать придется немного, зато былей и небылиц наслушаешься.

— Лесоватъ я стал, когда еще пешком под стол ходил, — начал старик. — Лет пяти первого горностая добыл, а тут и пошло. И рябков ловил, и белку промышлял. На зайцев капканы ставил, на куницу — колодицы. Не однажды рысь добывал. Помню, поставил на тропе капкан. Прихожу назавтра — вижу: снег умят, чую: железо побрякивает, а зверя нет. Присмотрелся и понял, что рысь залезла под сухару. Подошел ближе, снял с ноги лыжу и тычу в сучья. Зверина цап за но-

сок и откусила. А потом ко мне да за штанину, а ружья-то как назло не оказалось... Кое-как отбился.

Потом на речку спустился — там выдра ходила. Тропа у нее, как желоб. И та попалась. Рад удаче, иду домой. А удача, она от того зависит, какого человека первым встретишь, когда на охоту идешь. Бывало попа встретишь, вертайся сразу. Вакорину — старуха такая у нас была — тоже. Все дело в глазе. А еще надо приговор знать или урочную молитву. Меня Ивунька научил, и я тебя научу: «Я, раб божий, пошел на лисиц, на зверей, на белоярых зайцев. Как не уходят узоры-призоры на Маланью*, на солнце ясное, так на меня не идите узоры-призоры. Идите узоры-призоры на девку-долговолоску, на бабу-пустоволоску, на попа, на попадью идите, на двоеженца, на троеженца, на двузубца, на трезубца идите узоры-призоры в глухие леса под коренья...»

А если недоброго человека встретишь, отговорку знать надобно. Она такая: «Глаз криви, зуб вороти, глазами хитрыми никогда на меня, охотника, не гляди, заяц приключится не тебе, встречающему, а мне, охотнику».

Ночь застанет в лесу, под старой пихтой никогда не ночуй: все равно черти выгонят. На крестах дорог тоже спать нельзя.

* Малый месяц.

Давно это было, а как сейчас помню. Запозднил я и под пихтой на ночлег расположился. Костер едва наладил: сухое, а не горит. Повесил котелок — суп варить. Выскакивает маленький с рожками, раз по котелку, тот и покатился в сторону.

Озлился я, схватил ружье да чертенку глаз и вышиб. Не успел оглянуться, кони вороные подкатили. Усадили меня черти в тарантас и мигом в хоромы лесные привезли.

Стали черти спрашивать, чей, откуда да почто чертенку глаз вышиб. Рассказал я, как дело было: мол, пришел я, костер едва наладил, а чертенок огонь затушил, да и котелок пролил.

Отпустили меня черти, только сказали, что удачи мне больше на охоте не будет. Три года впустую топал: то ружье не палит, то зверь убегает...

А когда на крестах ночевал, такое было... — лукаво прищурился Николай Александрович. — По вечеру сижу я на лесине, ужинать собрался. Вижу, мужик идет в холщовой рубахе, кипшаг*. «Садись, поедим», — говорю ему. — «Обожди, бутылку принесу». — «Откуда?» — «Из Кологрива». (А до Кологрива верст шестьдесят будет). Исчез куда-то мужик... И верно: полчаса не прошло, тащит он бутылку и баранки...

* К и п ш а г — живущий близ реки Кипшеньги.

Уже ночь на исходе, а гостеприимный хозяин все рассказывает о медведях, о лесовиках, о пудовых щуках. Я давно клюю носом...

Кажется, только лег, а старик трясет меня за плечо.

— Вставай, охотник, ишь, небо рубится. Теперь весь зверь на ногах.

Я встал и подошел к окошку. В небе, в разрывах облаков, светили звезды. Облака шли быстро, точно стремясь скорее очистить небо.

— К холоду это, — сказал старик. — Намеднись гусей видел, а гуси летят — на крыльях зиму несут.

ПЛЕННИК

Раздвигая лесные заросли, течет, змеится небольшая речушка Волнас. Почти вплотную подходят к ней вырубки. Здесь и встретился я с Михаилом — местным охотником.

Сидел он на валежине, отдыхал. И мне предложил сделать то же самое.

— Присядь, — говорит, — покурим.

Сидим вдвоем, разговариваем. И только тут я заметил, что бревнышки, на которых мы расположились, не что иное, как старая ловушка — самолов. Сгнили они, мохом поросли, а все одно видно, что самолов.

— Верно говоришь, моего деда это сло-

пещ*. Путик** у него в войну тут был, звон мета старая видна.

И рассказал мне Михаил историю...

Пошел дед слопцы проверять. А я за ним увязался. Подходим вот сюда, поднялись на горушечку, видим, опружен самолетов.

— Попал, попал, ишь чернеет! — закричал я.

— Чего блажишь? Попал, так никуда не денется.

Заслышав нас, птица затрепыхалась.

— Э, Мишка, да он живой.

Голова глухаря угодила между кряжей. Поднял их дед. Глухарь и завставал. Старик его за крыло, да в пестерь. Радрадешенек. Больше-то, помню, в тот раз никто не попал.

Идем домой, дед кряхтит:

— Тяжелый, черт!

...Вечером дед и говорит:

— Ты, Мишка, легок на ногу. Ступай завтра, отнеси глухаря-то в город, сдай на базу. Рассчитаемся по мясу. У нас мало осталось, а птицу — килограмм за два возьмут.

Встал я с солнышком, позавтракал, пестерь на плечи и айда. Миновал поле, в лес зашел. Иду суболотью. И вдруг с черничника глухарка взлетела, а за ней глухарята поднялись. Уселась копалуха на осину, квохчет.

* С л о п е ц — ловушка из бревен.

** П у т и к — охотничья тропа, около которой поставлены ловушки-самоловы.

Завозился глухарь в пестере, хоть и полотенцем был перевязан, закеркал по своему. Потки* летают, и ему на волю охота. Остановился я, снял пестерь, положил на обочинку. А глухарь голову высунул и по сторонам зыркает. Глянул я в его глаза — а они мутные, и не по себе мне стало. Такая жалость появилась... Открыл пестерь, развязал полотенец, а из кутуза-то** он сам вылез. Глажу его, перышки расправляю, а у самого и слезы из глаз. Заковылял глухарь по дороге, кое-как поднялся и полетел низко-низко над землей в просвет между деревьями.

Попало мне тогда от деда как следует, чуть не побил.

— Я тебя, вражонка, домой, — говорит, — не пущу.

Но ничего, отходчивый был он, дед-то, добрый, простил. Утром уже кричит:

— Мишутка, вставай, пошли со мной лыка драть!

ДЫМ

Иван Дмитриевич еще раз обошел вокруг толстого и высокого осинового пня, у которого обрывались следы куницы. Пень с потрескавшейся корой одиноко стоял на вырубке. Метрах в четырех от земли виднелось дупло.

* Потки — птицы.

** Кутуз — пестерь, берестяной короб.

«Куница должна быть только в дупле, верхом она уйти не могла: вокруг ни одного дерева», — поглядывая на дятлобину, рассуждал охотник. — Но почему она отсиживается в убежище? Следы ее припорошены снегом, а пороша была три дня назад».

Подскочил Кучум — востроухая лайка. Ткнул черным носом в куний след, фыркнул и побежал дальше.

Иван Дмитриевич ударил по пню топором — гудит, как бочка.

Куница не показывалась. Охотник принялся рубить пень. На это ушло немало времени. Снаружи дерево было крепким, как кость. Но вот пень рухнул на землю.

Охотник заглянул в дупло и вытащил из него зверька с оранжевой манишкой на шее. Куница была мертва.

«Какая тощая, кожа да кости. Почему?» — недоумевал охотник. И вдруг заметил на шее зверька конец тонкой проволоки, точь-в-точь такой, какую он видел в самолетах, которые ставил Яшка Клопов на глухарей в закрайке Илюшина болота.

«Третьим сортом вряд ли пойдет», — подумал Иван Дмитриевич, разглядывая редкий мех погибшего зверька. Очевидно, в петлю куница попала еще летом и с тех пор захирела.

Нет, не зря говорил о браконьере Иван Дмитриевич на собрании охотников!

Он положил куницу в вещевой мешок и зашагал дальше проверять ловушки.

В синей дымке маячил на горизонте облепленный снегом ельник, а ближе виднелся пепельно-серый мелкий ольховник на вырубке.

Иван Дмитриевич примечал каждый следок на рыхлом снегу. У кучи хвороста охотился на мышей горноста́й, у стожка сена-осенца оставил свои следы заяц-беляк. А тут прыгала белочка.

Подошел охотник к кромке леса и увидел на снегу строчки куньих следов. Они тянулись по косогору, туда, где под густолапой елью стояла ловушка.

Радостно забилося сердце охотника. Подумалось: быть удаче. Прибавил шагу. Вот и елка. Но что это? Самолова как не бывало. Верхний и нижний края колодицы* сброшены на землю. Колышки, на которых крепились бревнышки, перерублены топором. Тут же на снегу под деревом перышки от рябчика — все, что осталось от приманки — салты, как называют ее охотники.

Кучум, взяв «теплый» куний след, исчез в густом еловом подсаде.

Оказались нарушены и другие самоловы. Иван Дмитриевич все понял: это предупреждение браконьера, дескать, пикнешь еще — и в лесу тебе будет делать нечего.

— Ах ты, хмырь болотный! — сказал вслух охотник, поправляя самолов. Едва успел наладить его, как заголосил Кучум.

* Колодница — ловушка на куняц.

По чаще, по захлавленной вырубке пробирался Иван Дмитриевич к собаке. Кучум сидел на снегу и лаял на толстую осину. В развилке сучьев притаилась куница. Бахнул охотник — и зверек упал на снег.

Теперь пора к ночлегу, к своей охотничьей избушке. В лесу — тишина, над головой — по-зимнему серое небо.

Иван Дмитриевич прошел около километра, когда в Шармановке, в закрайке кочковатого болота, услышал крики воронья. Две черные птицы кругами ходили над низкорослыми соснами, над одним и тем же местом. Посмотрел на них охотник, подумал: «Ворон летает, падаль знает».

Прошел еще немного и увидел человеческие следы, а возле них на снегу — кровавое расплывшееся пятно.

«Несли мясо и тут отдыхали, клали мешок на снег», — безошибочно определил Иван Дмитриевич. Следы человека вели вправо по еловой гряде, а там, чуть подалее, виднелся дым от костра.

Издали, с опушки леса, он увидел человека. В нем признал Яшку. Тот рубил сухару — готовился к ночевке.

Подбежал Кучум. Иван Дмитриевич взял его на поводок, чтобы Яшку не отпугнуть, вернулся на тропу и зашагал к своему ночлегу. Над вершинами деревьев показалось предвечернее солнце, окрасив горизонт в малиновый цвет. Декабрьский день угасал...

Вот и избушка. Засыпанная снегом крыша, маленькое оконце. Но почему нет дверей? Они оказались сорваны с петель, разбиты. Заглянул в дверной проем и увидел искореженную печь-буржуйку. Понял: и тут побывал Яшка.

В избушке на земляном полу охотник развел костер, повесил над огнем закоптелый котелок с водой. Занялся дровами. Чурбаки были заготовлены загодя, летом, оставалось расколоть их. На это ушло немного времени.

Охотник отведал обжигаяще горячего чаю, сварил суп. Поужинал сам, накормил собаку. Кучум улегся в угол, свернулся калачиком.

Пора бы на покой и Ивану Дмитриевичу, но сон не шел.

Низовой ветер врывался в дверной проем. Избушка наполнилась дымом. Он не успевал выходить в небольшое отверстие в потолке, сделанное для железной печной трубы.

Иван Дмитриевич вышел из избушки, попытался поднять потолочины. Но, накрепко сколоченные, заваленные сверху землей, они не поддавались. Охотник махнул рукой.

Невеселые думы, словно назойливые осенние мухи, не давали покоя. «И зачем я связался с ним, зачем было выступать на собрании? — думал Иван Дмитриевич. — Считаю, что промысел пропал — нет самоловов, нет избушки. Печку-то ведь сюда сейчас не принесешь...»

— Но мы от плута не отступимся! Так ведь, Кучум?

Услышав голос хозяина, собака подняла голову, завиляла хвостом.

Иван Дмитриевич лежал на еловых лапах, который уже раз пробовал уснуть, но не мог. Едкий дым ел глаза. «Постарел я, побелел, как песок. Вот и дыму уже боюсь, изнемогаю, как горожанин. Отохотился, видно», — с горечью думал охотник.

Ночи, казалось, не будет конца. Иван Дмитриевич подбрасывал в костер поленья. Их тотчас охватывало пламя. Дрова трещали, стреляли искрами. И опять дым и дым. Даже трудно дышать. Охотник понимал, что нельзя тереть глаза, но руки снова тянулись к опухшим векам. Только под утро заснул Иван Дмитриевич.

Перед рассветом вызвездило, ударил мороз. День обещал быть ясным, солнечным. Лес просыпался. На вершину ели, унизанной шишками, прилетела стайка клестов. Птицы галдели, перелетая с ветки на ветку. Они прилаживались к шишкам, извлекали семена своими кривыми клювами. Где-то вдали, вспомнив о весне, затоковал тетерев.

Иван Дмитриевич попил чаю, покормил Кучума и, собрав свои пожитки, направился обратно.

Вот и болото, где видел вчера Яшку. Костер еще дымил, а неподалеку от него на сучьях горелой ели были подвешены

большие куски лосиного мяса. Тут же висело несколько стальных петель. Яшки же не было. «Смотался, гад! Опять ушел. Вот черт! Все ему сходит с рук...»

Еще в избушке Иван Дмитриевич твердо решил идти по следу Яшки. Так и сделал. Впереди бежал Кучум. Охотник не прошел и сотни метров, как раздался выстрел. Иван Дмитриевич вздрогнул, услышав, как чиркнула под деревьями дробь. Казалось, она хлестанула его по сердцу. Заголосила, завизжала собака. Охотник рванулся вперед. Навстречу на трех ногах скакал Кучум. Допрыгал до хозяина, улегся на снег. Охотник опустился на колени и дрожащими руками притронулся к лапе собаки. По шерсти алой струйкой текла кровь. Кучум тихо скулил. Рана была небольшой, но глубокой: очевидно, заряд прошел стороной.

После бессонной ночи и случившегося Иван Дмитриевич сразу почувствовал себя усталым и разбитым.

Следы Яшки уходили в хвойный остров. Иван Дмитриевич пошел было по ним дальше, но, видя, что Кучум то и дело останавливается, ложится на снег и зализывает рану, махнул рукой. Решил: быстрее домой — напрямик, Семитопорной просекой; от Шармановки до просеки километра полтора.

День разгорался, а Ивану Дмитриевичу казалось, что становится темнее. Охотник, прикрыв ладошкой глаза, пристально смотрел вдаль. Очертания деревьев

становились расплывчатыми, как в сумерках. «Почему так больно глазам? Почему все как в тумане?» Иван Дмитриевич опустил на ель-ветровалину, глубоко вздохнул. Достал из кармана кисет с махоркой, газету. Она казалась серой, словно оберточная бумага. Заслезившимися глазами взглянул на часы — не увидел стрелок. И тут все понял, понял, что слепнет.

Теперь думал об одном: только бы добраться до просеки. Встал и пошел. Замерзшие ветки деревьев, колючие лапы елей больно стегали по лицу. Несколько раз падал, барахтался в снегу, выбираясь из колдобин. Вода в засыпанных снегом мочажинах не замерзла, и подошвы валенок покрылись ледяной коркой.

Кучум прыгал впереди. Сколько времени брел охотник, — может, час, а может, два, — он не мог понять, только чувствовал, что устал и выбивается из сил. Подкашивались ноги, кружилась голова. Нащупал пенек, смахнул снег, присел.

— Дело-то у нас с тобой, Кучум, — табак: слабею я, — вздохнул охотник. — Каюк, говорю, приходит.

Кучум подполз к охотнику, лизнул его в лицо.

И опять побрел охотник. На Семитопорную просеку он так и не попал, а зрение потерял совсем. Рубаха давно взмокла, хоть выжимай. Сидеть долго нельзя — замерзнешь. И он шел и шел вперед, а может, и кружил по лесу.

Кучум скакал рядом. Вдруг Иван Дмитриевич услышал гул мотора. Выбываясь из последних сил, он ринулся вперед.

Промчался бы лесовоз по трассе, если бы водитель не увидел окровавленного Кучума. Понял, что случилось неладное. Остановил машину, крикнул.

— Эге-ге-гей! — раздалось в ответ. Шофер кинулся в лес, вместе с Кучумом подбежал к охотнику.

— Иван Дмитриевич, что с тобой? — шофер подхватил под руки старика.

— Там, в Шармановке, Яшка Клоп лося задавил...

ЯКУНИНА БЕРЕЗА

Предзимье. На зорьке бредем мы опустевшими полями. Под ногами шелестит низкая щеточка стерни, потрескивает ледок в лужицах. Впереди маячит береза. Одна-одинешенька. И красуется она на холме. Внизу луг-утин. Он упирается в поросшее чахлым низкорослым соснячком болото. По утрам поднимаются с него взматеревшие косачи, тянут по-утиному к полю. Лесные петухи частенько лепятся на березе, головешками чернеют на ее голых ветвях.

Раньше каждую осень чучелил здесь дед Яков — Якуня, как звали его в народе. Не любил старик похвастаться трофеями. Да и брал за зорьку одного черныша, хотя иной раз прилетало их до десятка.

— Куда больше-то? — пожимал плечами Якуня. — Не гоже, милой, себя обманывать. Она, дичь-та, украшение наше. Без нее и лес не мил.

Любили мы, мальчишки, прибегать к деду на охоту. В скрадке-шалашике у Якова всегда теплился очажок-костерок из сухих ольховых палочек.

Невысокий, чуточку сутуловатый, с черной кустистой бородкой, в лохматой, сшитой из шубки зайца-русака шапке-ушанке, полушубке, перехваченном ремнем с патронташем, дед Яков прилаживал над очажком пузатый чайник, кряхтел, потирая над языками пламени мозолистые руки, и ждал, когда закипит вода. И трудно сказать: охотиться приходил дед Яков или просто попить чайку, полюбоваться природой.

Весной же старик не брал ружья в руки, хотя дома ему не сиделось. Ни свет ни заря вставал Якуня и бродил по заветным местам.

Наглядеться не мог на косачей, встречающих восход солнца на березе, что высилась на холме...

Давно уже нет деда Якова. Да и от той березы остался трухлявый пенек. Только рядом вымахала другая, которую посадил Якуня. На ней прилажены мои чучела. Вместе с сыном Вовкой я сижу в скрадке-шалашике из прошлогодних елочек, похожем на небольшой чум. С прошлой осени не заглядывал я в него. Под ногами жухлая трава, холмик выброшен-

ной земли: видимо, наведывался сюда крот; тянется к солнцу куст шиповника, на нем еще и сейчас листочки, опаленные осенними заморозками.

В самом верху шалашика — гнездышко какой-то птицы, свитое из травинок, устланное мхом. На сучках свернутая трубочкой «Пионерская правда»: наверное, ребятишки летом спасались здесь от дождя...

Хлопанье сильных крыльев прерывает мои размышления. А на березе над самыми чучелами уже качается на ветвях иссиня-черный с лирообразным хвостом черныш. Клюквой краснеют брови, белеет подхвостье. Не замечая подвоха, косач вышагивает по суку, важничает, свысока поглядывая на моих матерчатых курочек. Мы во все глаза глядим на петуха, а тот все хорохорится. Вдруг набежал ветерок, прошумел вверху. С вершины оторвался сук, грохнулся на землю и разлетелся на несколько осколков. Тетерева как не бывало.

— Улетел! — с досадой уставился на меня Вовка...

— Пап, пап, а если и эта береза умрет, тогда как? — вдруг спросил он.

— Наверняка найдется другой дед Яков, который посадит новое деревцо. И всегда будут летать косачи, встречать весну на Якуниной березе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕМ-ДОРОГОЙ

Странички из охотничьего
блокнота

Путем-дорогой	5
Осенняя песнь	7
Ястребы на дороге	8
Лесной пляж	9
Ни пуха ни пера	9
Торопыга	10
Сосны	11
Горностайкино метро	12
Живые барометры	14
Камешки	15
«Академик»	16
Снегурочка	17
Игровое дерево	18
Невидимки	18
Сыч-воробей	19
Птица на льду	20
Костяные молоточки	21
Из одной проруби	24

Крылатые локаторы	52
Фонарик	26
Будильник	26
Приятель	27

НА МЕДВЕЖЬИХ ТРОПАХ

Б ы л и

Сластена	33
Медведь-пасечник	34
Не до жиру, быть бы живу	36
Кому беда, а кому пир	37
Хитрый зверь	38
Воришки	40
Лесные качели	42

ЯКУНИНА БЕРЕЗА

Р а с с к а з ы

Узоры-призоры	45
Пленник	49
Дым	51
Якунина береза	59

Каплин Вадим Николаевич
ЛЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Для среднего и старшего школьного возраста

Редактор В. А. Беднов
Художник В. И. Видякин
Художественный редактор В. С. Вежливец
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректоры В. И. Пригодина,
Н. К. Галкина

Сдано в пр. 19/VII 1975 г. Подп. в печ. 8/I 1976 г.
Формат бумаги 70×84/32 (бумага типогр. № 3).
Физ. печ. л. 2,0, Усл. печ. л. 2,18. Уч.-изд. л. 1,776.
Тираж 80000 (1—40000). ГЕ00939. Заказ 7703.
Цена 6 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение,
Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, Вологда, Челюскинцев, 3.